

Противники порицали этот стиль за его неясность, темноту, ненормативный язык с неологизмами и архаизмами, чересчур смелые метафоры, сухость, прыгающие предложения, рассеченные периоды, аффектацию, нестройную композицию и т. д.

Несмотря на то что демаркационная линия между двумя школами не была постоянной, да и сами стили на протяжении полутора веков развивались, иногда перекрещиваясь и вновь расходясь, нетрудно все же заметить, что русские переводчики оказались в лагере противников аттицизма. Действительно, «темность и стропотность», «кратко да темно и вельми скрытно» или «пошироко да темно», «неясные слова», «неясные аллигории» и пр. — все это похоже на претензии ярых последователей Цицерона к маньеристскому аттическому стилю. Тут встает закономерный вопрос: была ли это осознанная позиция стремившихся не изменить «силу истории» литераторов, захваченных идеей *translatio studii*, или это недоумение и растерянность подъячих, чье «учение по латиням», по остроумному замечанию В. О. Ключевского, заключалось в бессмысленном заучивании «польско-латинских вокабул, записанных русскими литератами: ликос — волк, луппа — волчица, спириды — лапти, препосит — болярин, <...> скандализи ми — собляжняют мя»?²⁶ Ответить на этот вопрос позволят лишь обстоятельные исследования истории русской риторики и исторической стилистики в целом, а также истории восприятия Цицерона в России. Из ряда восторженных отзывов о «славном Кикероне» в XVI—XVII вв. трудно извлечь позитивные данные — эти отзывы явно несут печать идущей из Польши школьной традиции. Тем не менее уже сейчас, в предварительном порядке, некоторые рекомендации по стилю изложения в памятниках XVII в. заслуживают внимания. В так называемой Риторике Макария, открыто призывавшей подражать Цицерону, подчеркивалось, чтобы сочинение «латиньским истинным языком и чтоб ясно и не закрыто, и украшенною речию или глаголанием, и удобно говорилось».²⁷ В предисловии к «Исторической книге» (1680-е гг.) в замечании о слоге подчеркивалось: «Слово бы было чистое, свойственное, и разумичное, и ясное».²⁸ Это направление в стилистике было, очевидно, не единственное. Примечательно, что к началу XVIII в., т. е. еще до переводов «политических дискурсов» Юста Липсия и С. Пуфендорфа, в России были переведены произведения некоторых писателей античности, на которых ориентировались в своей теории и практике европейские аттицисты: Сенека («Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа»);²⁹ Плиний младший (пане-

²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. 7, с. 410.

²⁷ Die Makarij-Rhetorik. Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980, S. 130.

²⁸ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича, с. XXXIX.

²⁹ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, с. 247.